

Научная статья

УДК 81`42

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.14406>



## ЖАНР РЕЧИ В ДИНАМИКЕ ДИСКУРСА

А.В. Колмогорова<sup>1</sup> , А.В. Козачина<sup>2</sup>  

<sup>1</sup> Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,  
Санкт-Петербург, Российская Федерация;

<sup>2</sup> Сибирский федеральный университет,  
г. Красноярск, Российская Федерация

 [avkozachina@gmail.com](mailto:avkozachina@gmail.com)

**Аннотация.** Настоящая статья посвящена анализу функциональной трансформации жанровых форм в институциональном дискурсе. В фокусе исследования находится педагогический дискурс, который призван легитимировать ряд институционализируемых государством ценностей («институционализованных»), необходимых к воспроизводству в обществе. Материалом служат учебники серии «Наша мораль» (*私たちの道徳 /わたаси-тати но до:току/*) для младших и средних школ Японии, которые являются основой курса «Моральное воспитание» (*道徳教育 /до:току кё:ику/*). Общий объем проанализированного материала составляет 1500 страниц. В исследовании использованы методы дискурс-анализа, а также элементы жанроведческого и сравнительно-сопоставительного анализа. В результате продемонстрированы принципы модификации различных жанров в принимающем дискурсе в новые формы, которые в рамках настоящего исследования получили название «дискурсивно модифицированные жанры». Полученные результаты представляют интерес для специалистов в области теории дискурса и дискурс-анализа, речеведения и жанроведения. В качестве перспективы исследования видится системное изучение дискурсивного потенциала различных жанров речи.

**Ключевые слова:** жанр речи; дискурс; институциональный дискурс; педагогический дискурс; дискурсивно модифицированные жанры речи; институционализованные ценности.

**Для цитирования:** Колмогорова А.В., Козачина А.В. Жанр речи в динамике дискурса // Terra Linguistica. 2023. Т. 14. № 4. С. 79–94. DOI: 10.18721/JHSS.14406



## SPEECH GENRE IN DISCOURSE DYNAMICS

A.V. Kolmogorova<sup>1</sup> , A.V. Kozachina<sup>2</sup> 

<sup>1</sup> National Research University Higher School of Economics,  
St. Petersburg, Russian Federation;

<sup>2</sup> Siberian Federal University,  
Krasnoyarsk, Russian Federation

✉ [avkozachina@gmail.com](mailto:avkozachina@gmail.com)

**Abstract.** The paper aims to examine the functional transformation of genres in institutional discourse. The focus of the study is pedagogical discourse, which is intended to legitimize a number of values institutionalized by the state (“institutionalized”) that are necessary for reproduction in society. Research material is presented with textbooks of the “Our Morality” (私たちの道徳 /watashi-tachi no do:toku/) series for junior and middle schools in Japan that are the basis for the Moral Education (道徳教育 /do:toku kyo:iku/) course. The total volume of research material is 1,500 pages. The study uses methods of discourse analysis, as well as elements of genre analysis and comparative method. As a result, we demonstrate how various genres are being modified into new forms in the receiving discourse. Within the framework of the current study, these forms are called “discursively modified genres”. The results are of interest to specialists of discourse theory and discourse analysis, speech science and genre studies.

**Keywords:** speech genre; discourse; institutional discourse; pedagogical discourse; discursively modified speech genres; institutionalized values.

**Citation:** Kolmogorova A.V., Kozachina A.V., Speech genre in discourse dynamics, *Terra Linguistica*, 14 (4) (2023) 79–94. DOI: 10.18721/JHSS.14406

### Введение

В конце XX в. теория речевого жанра (далее – РЖ) заняла свое важное место в отечественной лингвистике.

Идея о том, что каждая значимая для благополучия и сохранения сообщества социальная ситуация «инкрустирована» достаточно ограниченным набором элементов-речевых формул, оказалась чрезвычайно привлекательной для лингвистического изучения [1, 2, 3, 4, 5, 6 и др.], поскольку позволила подойти вплотную к проблеме типического, если не сказать – «системного», в речи.

Репертуар изученных РЖ расширяется с каждым годом [7, 8, 9 и др.], однако жанроведение развивается и интенционально: появляются новые подходы к его изучению, уточняется определение [10, 11, 12 и др.]. Исследователи чувствуют, что теории жанроведения и дискурсивной лингвистике необходим промежуточный термин и дают ему разные названия: «unit of discourse» [2], «дискурсивный продукт» [13], «тип высказывания в рамках определенного дискурса» [14, с. 80] и др. Однако статус разнообразных жанровых форм в дискурсе по-прежнему нуждается в уточнении.

Данная публикация ставит своей целью акцентировать внимание на одной из особенностей функционирования жанровых форм: их способности гибко адаптироваться под цели дискурсивной рамки, в которую их помещают социальные акторы. Так, анекдот, рассказанный на корпоративной вечеринке, и тот же анекдот, опубликованный на стене в «ВКонтакте» или в тексте острополитической статьи, в каждом из перечисленных случаев функционально неизоморфен – сохраняя внешний вид узнаваемого РЖ, он уже подчиняется общей интенции дискурса: расположить к себе аудиторию, создать сетевой имидж или дискредитировать политического оппонента.



В качестве иллюстрации наших теоретических положений мы приведем результаты анализа роли и функции различных речевых жанров в рамках японского педагогического дискурса, призванного легитимировать институциональные ценности, необходимые к воспроизводству в обществе.

### **Жанр в социолингвистических и речеведческих исследованиях**

Ставшее со временем культовым определение РЖ как относительно устойчивых типов высказываний (устных и письменных), выработанных определенной сферой использования языка [15, с. 428] послужило толчком к осмыслению жанра как некоей эталонной формы организации текста [16], социального взаимодействия [17, 18], решения коммуникативной задачи (артикулировать *просьбу о прощении* [19], написать *отзыв о фильме* [20], говорить так, чтобы ни у кого не было сомнения, что это *признание* [21], *предсказание* [22] и т. д.).

При этом основное предназначение такой формы справедливо видится в ее способности служить ориентиром для рядового носителя языка в поиске адекватного семиотического способа решения некоторой социальной задачи [23]. В таком, прикладном и достаточно практическом, отношении РЖ приобретает собственную ценность, достаточно автономную структуру и онтологию: разработан целый ряд моделей жанра, которые призваны отразить механику жанрового мышления носителя языка, знакомого с нормами сообщества. Так, А. Вежицкая использует для этого разработанную ею номенклатуру универсальных семантических примитивов [24], Т.В. Шмелева – перечень признаков, ставших известными как «анкета речевого жанра» [25], Н.Б. Лебедева – элементы ситуации (фациенты), обуславливающие адекватность жанровой формы (применительно к естественной письменной речи) [26].

### **Жанр в теории дискурса**

В работах дискурс-аналитиков жанр теряет свой онтологически автономный статус, становясь единицей структуры дискурса и занимая подчиненную по отношению к нему позицию.

Под номинацией «genre of discourse» и «discourse genre» Т. ван Дейк понимает «тип дискурсивной социальной практики, обычно определяемый конкретными дискурсивными и контекстными структурами [27, с. 136], основу которого составляют ментальные модели, репрезентирующие определенные события (беседа, история или новость) так, как мы их переживаем (или слышим о них) [28, р. 588]. Иными словами, дискурсивный жанр в этом смысле соответствует некому разделяемому членами сообщества поведенческому паттерну в рамках легко узнаваемого социального события – «принятый в социуме способ использования языка в привязке к определенному типу социальной активности: интервью, нарратив, экспозиция и др.» [29, р. 14]. При этом, если тот или иной жанр предсказуемо относится к определенному типу дискурса (*дебаты* – для политического дискурса, *повседневная беседа* – для бытового, *новостные сообщения* – для медиа-дискурса, *учебник* – для педагогического и т.д.), то тот или иной дискурс может формироваться посредством обширного круга жанров, список которых открыт.

В рамках конкретного типа дискурса<sup>1</sup> может сложиться ситуация, когда все реализующие его тексты «отличаются по жанрам, но едины в том, что они репрезентируют» [31, с. 4]. Единство репрезентации, о котором пишет Т. ван Леувен, достигается на функциональном уровне жанровых форм: как бы различны они ни были, под воздействием макроцели дискурса их частные цели легко мимикрируют.

Свою трактовку жанров дискурса вносит М. Монтгомери. Исследуя новостной медиа-дискурс, лингвист дает следующую дефиницию: «дискурсивный жанр – это особая и узнаваемая конфигурация дискурсивных элементов, реализующая конкретную коммуникативную цель или комплекс целей, и известная членам языкового сообщества под широко распространенным

<sup>1</sup> Уточним, что здесь и далее мы понимаем под дискурсом совокупность текстов, реализующих определенную дискурсивную практику [30, с. 144]



ярлыком» [32, с. 26]. В качестве примеров таких дискурсивных жанров исследователь приводит «объявление», «слух», «назидание», «шутка» и др.

Сохраняя связь с исконной эталонной ситуацией социального взаимодействия, для артикуляции которого они обычно используются, жанры, оказавшись внутри пространства принимающего дискурса, усиливают и усложняют его персуазивность за счет «интенциональных обертонов». Последние появляются в тех случаях, когда социальная интенция, обычно реализуемая текстом данного жанра, отражается от основной интенции субъекта дискурса и, наслаиваясь на нее в несколько ослабевшей форме, придает воздействующей силе дискурса новый оттенок, обеспечивая акциональность дискурсивной практике [33]. Так, интенция информирования о событиях жизни некой личности, будучи характерна для жанра «биография» (в энциклопедии, справочнике, кадровой справке), оказавшись в рамках педагогического дискурса, легитимирующего институционализируемые государством ценности («институционализованные»), приобретает функцию экземплификации гражданина, чей жизненный путь максимально соответствует одобряемым государством ценностным ориентирам. Здесь можно вспомнить известную советским читателям серию «Жизнь замечательных людей», в рамках которой издавались биографические нарративы, максимально отвечавшие идеологии советского государства на каждом конкретном витке его истории.

Для того, чтобы разграничить собственно дискурсивные жанры (типа «дебаты» или «интервью») от речевых жанровых форм, попавших в «плавильный котел» того или иного дискурса и модифицировавшихся в нем (типа «биографии» в серии «ЖЗЛ»), предлагаем обозначить последние термином «дискурсивно модифицированные жанры речи».

В практической части мы рассмотрим примеры подобных жанров в педагогическом дискурсе, легитимирующем институционализованные ценности.

#### **Специфика педагогического дискурса, легитимирующего институционализованные ценности**

Под *институционализованными ценностями* мы понимаем такие ценности, которые 1) осознаются как необходимые политическим элитами, воспроизводящими свою власть в институциональных дискурсах; 2) нуждаются в обеспечении их приятия каждым новым поколением молодых членов общества (например, школьников); 3) посему — становятся объектом внимания и ответственности социального института образования<sup>2</sup>. Как следствие — педагогический дискурс становится пространством дискурсивной практики легитимации подобных ценностей. Легитимация проявляет себя как имеющий собственные семиотические манифестации процесс, посредством которого некоторый феномен начинает восприниматься в социуме как желаемый, приемлемый, соответствующий его системе норм, ценностей и убеждений [34, с. 34].

Дискурс-аналитики рассматривают легитимацию как дискурсивную практику, стратегии которой призваны институционализировать определенные факты, ценности и порядки [35–37].

Стратегии легитимации играют особую роль в институциональном дискурсе — не является исключением и японский педагогический дискурс, который прошел долгий путь в своем развитии и на сегодняшний день является собой сложный комплекс, базирующийся на синкретизме разных ценностных парадигм: традиционной японской (синтоистской), китайской (буддистской, конфуцианской и даосской) и европейской [36, 39–44].

После Второй мировой войны государственный суверенитет страны был существенно ограничен. Страна вновь обрела его только после подписания Сан-Францисского мирного договора 28 апреля 1952 г., а уже 28 августа 1958 г. Министерством образования, культуры, спорта, науки и технологий (далее — Министерство образования) был пересмотрен Закон «О школьном образовании». Как результат — в программу младших школ была включена еще одна дисциплина, призванная вернуть национальному образованию его духовную основу, — курс «Моральное

<sup>2</sup> Козачина А. В. Стратегии и средства легитимации институционализованных ценностей в педагогическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Красноярск, 2021. 225 с.



воспитание». С того времени программа курса несколько раз видоизменялась, но неизменной остается его организация: курс построен на основе базовых ценностных императивов, объединенных в несколько групп:

- 1) 主として自分自身に関すること («О себе»);
- 2) 主として人との関わりに関すること («Об отношениях с окружающими людьми»);
- 3) 主として集団や社会との関わりに関すること («Об отношениях с коллективом и с обществом»);
- 4) 主として生命や自然, 崇高なものとの関わりに関すること («Об отношении к природе и к миру сакрального») [45].

Цель курса сформулирована следующим образом:

日本人としての自覚をもって我が国の伝統と文化を理解し, それらを育ててきた我が国と郷土を愛するとともに他国の伝統と文化を尊重すること。

[*От детей*] *требуется осознать, что они родились японцами, понимать культуру и традиции нашей страны, вместе с любовью к нашей стране и родине, которая их взрастила, уважать и ценить культуру и традиции других стран*<sup>3</sup> [23].

### Материал и методы

Основой Курса являются учебники «Наша мораль» (私たちの道徳 /わたси-тати но до:току/) для младших и средних школ, тексты которых служат материалом данной публикации. Общий объем проанализированного материала составляет 1500 страниц.

Изучение институционализированных ценностей Курса и способов их легитимации показало, что все ценности находят свое воплощение посредством конкретных жанровых форм: *биография, автобиография, рассказ, стихотворение, сентенция, совет, личное мнение, проблематизирующий рисунок, экскурс в традиционную культуру, эссе, дневниковая запись*.

Для проведения анализа использовались методы дискурс-анализа, а также элементы жанроведческого и сравнительно-сопоставительного анализа.

### Результаты и обсуждение: жанры в динамике легитимирующего педагогического дискурса

Рассмотрим в качестве примера три жанра, претерпевающие существенные модификации в принимающем их дискурсе: два из них вторичные – жанр (литературный) *сказки*, жанр (академический) *словарной дефиниции*, и один жанр из числа первичных – речевой жанр *назидания*.

**Словарная статья (СС).** Словарь – это всеобъемлющее вместилище информации о языке, одной из главных функций которого является стимулирование субъекта к получению более высокой коммуникативной компетенции [46, с. 297]. Жанр словарной статьи относится к разновидности академического научного дискурса, а потому имеет строгие композиционные нормы организации текста, к его экземплярам применяются требования ясности, логичности, достоверности излагаемой информации, являющейся адекватной по отношению к реальному речепользованию [47–49].

Однако современные дискурс-аналитики ставят вопрос о политической и идеологической ангажированности словарей [50, с. 122]: в зависимости от установок составителей, обусловленных идеологическим давлением или, напротив, принципиальным отказом от идеологизации словаря, принимаются те или иные лексикографические решения [51, с. 499], в которых находят свое отражение изменения на шкале ценностей в дискурсе и стоящей за ним картины мира [52, с. 24].

На страницах учебников Курса словарные статьи встречаются, начиная с пятого класса младшей школы. Они содержат в себе непосредственно саму лексему, зафиксированную иероглифом, и ее дефиницию. В качестве лексем отобраны те, значения которых релевантны для

<sup>3</sup> Перевод А.В. Козачина

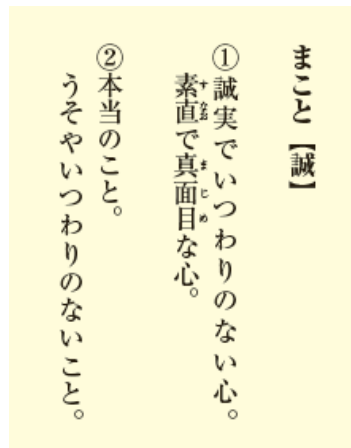


Рис. 1. Словарная статья, посвященная лексеме «истина»

Fig. 1. Dictionary entry on the lexeme “truth”

формируемых ценностных доминант. Дефиниции могут быть как сформулированы самими институциональными авторами, так и позаимствованы из крупнейших толковых словарей японского языка. Словарные статьи в учебнике всегда сопровождаются другими дискурсивными жанрами: *цитатой*, *назиданием*, *советом*. Вместе они становятся инструментом для раскрытия той или иной ценностной доминанты.

В качестве примера приведем словарную статью лексемы 誠/真 /макото/ («истина»), являющейся основой ценностных доминант 誠実 («верность своему слову») и 真理の探究 («поиск истины») (рис. 1): лемма выделена полужирным шрифтом, ее значения пронумерованы.

Перевод: *Истина* – 1) человек, чья душа лишена обмана; прямой, честный; 2) правда; то, что лишено лжи и обмана<sup>4</sup>.

Вместе с дефиницией лексемы 誠 /макото/ («истина») в учебнике представлена цитата известного японского писателя второй половины XIX в. – начала XX в. Нацумэ Сосэки: *Нечестность по отношению к себе лишает вас возможности быть честным с окружающими*<sup>5</sup>.

Подчеркнем, что все цитаты в учебниках маркированы: номинируются лексемами メッセージ /мэссэ:дзи/ («послание») – для младшей школы и 言葉 /котоба/ («изречение, выражение, слова») – для средней.

Таким образом, в получающейся цепочке вторичных дискурсивных жанров «словарная статья – цитата» значение лексемы не только эксплицируется, но и получает определенный вес и место в ценностной картине мира реципиента текста: первоначальная цель жанра (повысить языковую компетентность читателя) в заданном дискурсе превращается в реализацию идеологического регулирования «сетки значений» в языковой и ценностной картинах мира школьника.

**Сказка.** Наиболее многочисленным среди жанров, представленных в учебниках для младшей школы, является жанр сказки.

Несмотря на то, что в японской культуре существует богатый фонд народных сказок и на японский язык переведены образцы золотого фонда всемирной детской литературы, в анализируемых учебниках «Наша мораль» используются сказки, написанные специально для данного курса. Чаще всего – это *сказки о животных*, для которых характерно наделение зверей речью и разумом [53, с. 990]. В рамках японской традиции одной из основных задач сказки называют скрытую передачу «послания»: «...через сказки передается сила предшественников, и в этом смысле они являются своего рода проводником в мир, который постепенно может оказаться

<sup>4</sup> Перевод А.В. Козачина

<sup>5</sup> Перевод А.В. Козачина



забытым» [54, с. 4]. Очень часто японские сказки не имеют счастливого конца, в числе обязательных элементов можно выделить неизбежность смерти, терпение, контроль собственных эмоций.

Задачей же сказок о животных в текстах анализируемых дидактических материалов является раскрытие сути декларируемых в Курсе институционализированных ценностей и моделирование соответствующих им поведенческие паттернов: соблюдение ритуалов общения, всеобщее равенство в обществе, включение в современное общество детей с ограниченными возможностями и др.

Семиотическим маркером существующего разрыва между фольклорным жанром и дискурсивным жанром сказки становится отсутствие в последних типичных фольклорных формул: 昔々 / мукаси-мукаси/ («давным-давно»), 大むかし /ооमुкаси/ («в старину»), あるところに /ару токоро ни/ («в тридевятиом царстве, в тридесятом государстве»), いた /ита/ или 住んでいた /сундэита/ («жил да был»).

Рассмотрим пример. Сказка 泳げないリス («Бельчонок, который не умеет плавать») в первую очередь обращается к проблеме взаимодействия ученика в группе. По сюжету главный герой Бельчонок не умеет плавать, а потому не может отправиться со своими друзьями, лебедем, уткой и черепахой, на остров посреди озера, чтобы поиграть.

僕も一緒に連れて行ってね。

リスさんは、泳げないからだめ。

— А можно и мне с вами?

— Нет, потому что ты не умеешь плавать<sup>6</sup>.

Отказ сформулирован при помощи лексемы だめ /дамэ/ («бесполезный, напрасный, непригодный»), которая выполняет роль отрицательного императива. Данная форма наиболее категорична и характерна для грубой разговорной речи. Используется в отношении нижестоящего по положению, а также детей или животных.

Однако по мере развития сюжета друзья понимают, что им скучно без своего друга Бельчонка, и помогают ему добраться до озера на спине черепахи.

Данная сказка моделирует проблему включения детей-инвалидов и детей с отклонениями в развитии в современное общество. Для олицетворения «большинства» авторами специально выбраны те животные и птицы, которые умеют плавать, а потому имеют преимущество. Действия друзей, отправившихся на остров без главного героя, выделяются вспомогательным глаголом しまう /симау/, который символизирует наступление неблагоприятного состояния в результате совершения определенного действия или необратимого результата. В то время как состояние главного героя, вынужденного проводить время в одиночестве, характеризуют существительным 一人ぼっち («один-одинешенек») с целью вызвать у читателя сочувствие.

**Назидание.** В отличие от поучения, где отношения между автором и адресатом отчасти уравниваются за счет демонстрации определенной степени эмоциональной и духовной близости [55, с. 534], для жанра назидания характерно наличие у одного из авторов высказывания более высокого социального статуса, обусловленного возрастными, гендерными, должностными и прочими факторами [56, с. 103]. Таким образом, цель данного первичного жанра можно определить как описание некоторого должного положения дел, моделируемого человеком, обладающим более высоким социальным статусом и предположительно более богатым жизненным опытом, нежели адресат.

Цель того же жанра в учебнике — заставить школьника задуматься над проблемой, активизировать его моральную интроспекцию (рис. 2). Для этого используется двучленная структура: артикулируется некоторое правило бытия, а затем описывается своего рода инструкция по его выполнению.

<sup>6</sup> Перевод А.В. Козачина



困<sup>1</sup>っている人を見ると心配になる。  
何とかしたくなる。  
それが「思いやり」の入り口。

思いやりの心があるから  
共に生きられる

Рис. 2. Пример языкового воплощения жанра «назидание»  
Fig. 2. An example of the linguistic manifestation of the genre “edification”

Перевод: *Только обладая чуткостью, мы можем гармонично сосуществовать в этом мире. При виде человека, попавшего в беду, возникает чувство беспокойства. Нам хочется ему помочь. Это и есть путь к постижению такого чувства, как чуткость<sup>7</sup>.*

Приведенное в качестве примера назидание помещено в контексте ценностной доминанты *思いやり* («чуткость»). Таким образом, оказавшись в дискурсивном контексте, жанр назидания приобретает цель побудить реципиента к рефлексии над поставленной проблемой в направлении, регламентированном ценностными установками дискурса.

Остальные жанровые формы, выделенные в анализируемом материале, также подверглись дискурсивному переформатированию.

Ниже (табл. 1) систематизирована специфика модификации вторичных и первичных речевых жанров в дискурсивные жанры. В колонке 2 резюмируются изначальные (вне институционального дискурса) цели взаимодействия коммуникантов в рамках определенных жанровых форм; в колонке 3 – цель, которую жанры приобретают, попав в идеологическую рамку педагогического дискурса.

Таблица 1. Функциональная трансформация жанров речи в рамках педагогического дискурса  
Table 1. Functional transformation of speech genres in pedagogical discourse

№ п/п	Жанр речи	Цель жанра речи	Цель жанра речи в дискурсе
	1	2	3
1	Цитата	Подтверждение собственных суждений	Расстановка «весов» авторитетных «голосов» так, чтобы легитимировать нужные ценности
2	Словарная статья	Повышение языковой компетентности носителя языка [57]	Идеологическое регулирование «сетки значений» в ЦКМ реципиента
3	Биография	Предоставление информации о жизненном пути человека [58]	Экземплификация ориентиров и ценностных установок, которым должны следовать реципиенты
4	Автобиография	Самопрезентация [59]	
5	Сказка	Инициация в сообщество [60]	Стимулирование реципиента к самостоятельной выработке поведенческих норм, отвечающих интересам институциональных авторов
6	Рассказ	Трансляция жизненного опыта [61]	

<sup>7</sup> Перевод А.В. Козачина





Окончание таблицы 1

7	Стихотворение	Демонстрация творческих способностей, реализация развлекательной функции [62]	Стимулирование эмоционального приятия ценностей, адекватных целям дискурса
8	Назидание	Социальная регуляция с позиции превосходства [55]	Укоренение институционализированных ценностей в сознании школьников за счет апелляции к незыблемым правилам жизни, законам бытия
9	Совет	Социальная регуляция с точки зрения прагматики и утилитарности [63]	
10	Личное мнение	Социальная самоидентификация [64]	Стимулирование эмпатичного приятия ценностей, адекватных целям дискурса
11	Экскурс в традиционную культуру	Получение новых знаний о традициях [65]	Трансфер и воспроизводство институционализированных ценностей, ориентированных на традиционную культуру
12	Проблематизирующий рисунок	Донесение информации адресантам за счет объединения разных по своей знаковой природе систем [66]	Интенсификация процесса осмысления реципиентом проблем, отвечающих установкам институционального дискурса
13	Дневник	Конструирование Я-образа и становление человеческой субъективности [67]	Побуждение читателя к рефлексии над уже случившейся авторской саморефлексией в направлении, регламентированном ценностными установками дискурса
14	Эссе	Формирование навыков рефлексии [68]	Стимулирование самовыражения или саморефлексии реципиента в направлении, регламентированном ценностными установками дискурса

Сопоставляя цели каждого жанра «до и после» дискурсивного переформатирования, отмечаем, что, оказавшись в дискурсивном пространстве, цели инициальных жанров обогащаются и приобретают интенциональный «размах» и усложняются: например, в жанре «дневник» интенция конструирования Я-образа расширяется до побуждения читателя к рефлексии над уже случившейся саморефлексией другого человека в направлении, регламентированном ценностными установками дискурса.

Иными словами, цель каждого инициального жанра, отражаясь от общей цели дискурса, наполняет последнюю новыми обертонами, высвечивая, то одну, то другую ее грань.

### Заключение

Проведенный анализ показал, что в контексте развития жанроведения и дискурс-анализа появилась необходимость терминологически зафиксировать ситуацию, когда сложившийся и имеющий собственный канон жанр речи инкорпорируется в пространство определенного дискурса как совокупности текстов, реализующих некоторую дискурсивную практику.

Для таких случаев мы предлагаем использовать термин «дискурсивно модифицированные жанры речи» это – жанровые формы, которые в системе координат принимающего дискурса, при одновременном сохранении необходимых для идентификации жанра характеристик приобретают качественно новый интенциональный размах, согласующийся с целевой установкой дискурса и усиливающий ее.

В категорию дискурсивно модифицированных жанров речи временно могут переходить как первичные (по классификации М.М. Бахтина), так и вторичные жанры речи. Подобный переход может иметь ряд семиотических маркеров: исчезновение некоторых свойственных канону жанровых элементов, появление новых, формирование устойчивых интержанровых цепочек.

В качестве перспективы исследования видится системное изучение дискурсивного потенциала различных жанров речи, которое могло бы помочь ответить на вопросы о том, в рамках каких



дискурсов тот или иной жанр предрасположен появляться и становиться объектом модификации чаще/реже, какие жанры являются фаворитами для тех или иных типов дискурсов, есть ли межкультурные или диахронические особенности интегрирования жанров в дискурсы.

## СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Красных В.В.** Жанры речи сквозь призму многомерности бытия человека говорящего // Жанры речи. 2015. № 1 (11). С. 9–14.
2. **Дементьев В.В.** Жанры речи и дискурс: место жанроведческих исследований в парадигме дискурс-анализа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2016. Т. 20, № 4. С. 103–121. DOI: <https://doi.org/10.22363/2687-0088-15151>
3. **Иванова С.В.** Новость как дискурсивный жанр: не отсутствующая структура // Terra Linguistica. 2022. Т. 13, № 3. С. 7–14. DOI: [10.18721/JHSS.13301](https://doi.org/10.18721/JHSS.13301)
4. **Stukker N., Spooren W., Steen G.** Genre in Language, Discourse and Cognition, Walter de Gruyter GmbH & Co KG, 2016. 436 p. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110469639>
5. **Badea S.** On the Concept of ‘Genre’ in Discourse Analysis: The Legal Domain, Mediating Globalization: Identities in Dialogue Arhipelag XXI Press. 2018. Pp. 19–24.
6. **Rheindorf M., Wodak R.** Genre-related language change: Discourse-and corpus-linguistic perspectives on Austrian German 1970–2010, Folia Linguistica. 53 (2019). 125–167. DOI: <https://doi.org/10.1515/flin-2019-2006>
7. **Карасик В.И.** Предсказание как речевой жанр // Жанры речи. 2018. № 1 (17). С. 39–47. DOI: [10.18500/2311-0740-2018-1-17-39-47](https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-1-17-39-47)
8. **Дементьев В.В.** ‘n самых...’: интернет-рейтинг как речевой жанр // Жанры речи. 2021. № 3 (31). С. 226–244. DOI: [10.18500/2311-0740-2021-3-31-226-244](https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-3-31-226-244)
9. **Первухина С.В.** Видеостатья как речевой жанр // Жанры речи. 2022. Т. 17, № 1 (33). С. 74–81. DOI: [10.18500/2311-0740-2022-17-1-33-74-81](https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-1-33-74-81)
10. **Дементьев В.В.** Статья по жанрам речи в журнале «Жанры речи» как ... жанр речи? // Жанры речи. 2021. № 1 (29). С. 12–33. DOI: [10.18500/2311-0740-2021-1-29-12-33](https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-1-29-12-33)
11. **Маслова В.А.** Теория речевых жанров сквозь призму современной лингвистики // Жанры речи. 2021. № 1 (29). С. 6–11. DOI: [10.18500/2311-0740-2021-1-29-6-11](https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-1-29-6-11)
12. **Прозоров В.В.** Об универсальных антропоцентрических характеристиках речежанровой коммуникации // Жанры речи. 2022. Т. 17, № 2 (34). С. 88–98. DOI: [10.18500/2311-0740-2022-17-2-34-88-98](https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-2-34-88-98)
13. **Олешков М.Ю.** Дискурс, концепт, жанр. Нижний Тагил: НТГСПА, 2009. 496 с.
14. **Силантьев И.В.** Дискурс и жанр // Вестник НГУ. Серия «История, филология». 2010. Т. 9, № 6. С. 78–83.
15. **Бахтин М.М.** Литературно-критические статьи. М.: Художественная литература, 1986. 543 с.
16. **Аверинцев С.С.** Историческая подвижность категории жанра: опыт периодизации // Историческая поэтика: Итоги и перспективы изучения. М., 1986. С. 104–116.
17. **Седов К.Ф.** О жанровой природе дискурсивного мышления языковой личности // Жанры речи. 1999. № 2. С. 14–28.
18. **Долинин К.А.** Речевые жанры как средство организации социального взаимодействия // Жанры речи. 1999. № 2. С. 7–13.
19. **Чинова Л.Н.** Просьба о прощении и принесение извинения // Жанры речи. 1999. № 2. С. 278–281.
20. **Дементьев В.В.** Отзыв иностранцев о советском фильме как жанр Рунета // Жанры речи. 2022. Т. 17, № 3 (35). С. 220–233. DOI: [10.18500/2311-0740-2022-17-3-35-220-233](https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-3-35-220-233)
21. **Панченко Н.Н.** «Чистосердечное признание» в институциональной и бытовой коммуникации: речевой жанр или речевой поступок // Жанры речи. 2022. Т. 17, № 3 (35). С. 186–193. DOI: [10.18500/2311-0740-2022-17-3-35-186-193](https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-3-35-186-193)
22. **Карасик В.И.** Предсказание как речевой жанр // Жанры речи. 2018. № 1(17). С. 39–47. DOI: [10.18500/2311-0740-2018-1-17-39-47](https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-1-17-39-47)
23. **Гольдин В.Е., Дубровская О.Н.** Жанровая организация речи в аспекте социальных взаимодействий // Жанры речи. 2002. № 3. С. 5–18.



24. **Вежбицкая А.** Речевые жанры // Жанры речи. 1997. №1. С. 90–111.
25. **Шмелева Т.В.** Модель речевого жанра // Жанры речи. 1997. №1. С. 88–98.
26. **Лебедева Н.Б.** Естественная письменная русская речь: проблемы изучения // Русский язык: исторические судьбы и современность: Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы. М., 2001. С. 260–261.
27. **Дейк Т.А.** Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: ЛИБРОКОМ, 2013. 342 с.
28. **Dijk T.A.** Discourse and Knowledge. Handbook of Discourse Analysis, Routledge, London, 2012. Pp. 587–603.
29. **Fairclough N.** Critical discourse analysis: The critical study of language, Longman Group Limited, Essex, 1995. 265 p.
30. **Чернявская В.Е.** Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. 248 с.
31. **Leeuwen T.** Discourse and Practice: New tools for critical discourse analysis, Oxford University Press, Oxford, 2008. 184 p.
32. **Montgomery M.** The Discourse of Broadcast News: a linguistic approach, N.Y.: Routledge, 2007. 146 p.
33. **Молодыхенко Е.Н., Чернявская В.Е.** Социальная репрезентация через язык: теория и практика социолингвистики и дискурсивного анализа // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2022. Т. 19. № 1. С. 103–124. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu09.2022.106>
34. **Колмогорова А.В.** Легитимация как социополитический феномен и объект дискурс-анализа // Политическая лингвистика. 2018. № 1 (67). С. 33–40.
35. **Fairclough N.** Political correctness: The politics of culture and language, Discourse and Society. 14 (2003). 17–28.
36. **Vaara E., Monin P.** A recursive perspective on discursive legitimation and organizational action in mergers and acquisitions, Organization Science. 21 (2010) 3–22.
37. **Joutsenvirta M., Vaara E.** Legitimacy Struggles and Political Corporate Social Responsibility in International Settings: A Comparative Discursive Analysis of a Contested Investment in Latin America, Organization Studies. 36 (2015) 741–777. DOI: <https://doi.org/10.1177/0170840615571958>
38. **Главева Д.Г.** Традиционная японская культура. М.: «Восточная литература» РАН, 2003. 181 с.
39. **Алпатов В.М.** Япония: язык и культура. М.: Языки славянских культур, 2008. 206 с.
40. **Григорьева Т.П.** Япония. Путь сердца. М.: Культурный центр «Новый Акрополь», 2008. 392 с.
41. **Чугров С.В.** Япония: гибридизация и гармонизация // Полис. 2008. № 3. С. 59–67.
42. **Кульнева П.В.** Влияние конфуцианских ценностей на японскую деловую этику // Япония 2012: ежегодник; под ред. Э.В. Молодяковой. М., 2012. С. 123–140.
43. Япония в эпоху великих трансформаций // под ред. профессора Д.В. Стрельцова. М., 2020. 320 с.
44. **Козачина А.В., Колмогорова А.В.** Стратегии и средства легитимации институционализированных ценностей в японском педагогическом дискурсе. Красноярск: СФУ, 2023. 200 с.
45. 中学校学習指導要領解説 («Комментарий к рабочей программе курса «Моральное воспитание»: средняя школа»). URL: [https://www.mext.go.jp/component/a\\_menu/education/micro\\_detail/\\_icsFiles/afieldfile/2019/03/18/1387018\\_011.pdf](https://www.mext.go.jp/component/a_menu/education/micro_detail/_icsFiles/afieldfile/2019/03/18/1387018_011.pdf) (дата обращения: 02.05.23).
46. **Wiegand H.E., Gouws R.H.** Addressing and addressing structures in printed dictionaries, Dictionaries. An International Encyclopedia of Lexicography. Supplementary Volume: Recent Developments with Focus on Electronic and Computational Lexicography. 2013. Pp. 273–314.
47. **Левченко Г.А.** Словарь-разговорник в России: к вопросу об истории жанра // Вестник Московского университета. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. № 3. С. 145–156.
48. **Черняк В.Д.** Образ словаря, словарная форма и жанр словаря в современной коммуникации // Русский язык сегодня. 2015. С. 355–362.
49. **Мустайоки А.** Речевые жанры и разновидности языка в словарях и грамматиках современного русского языка // Тезисы докладов международной конференции «Речевые жанры современного общения». М., 2015. С. 104–106.
50. **Fuertes-Olivera P.A., Bergenholtz H.** E-Lexicography: the Internet, digital initiatives and lexicography, Bloomsbury Publishing, London, 2011. 368 p.



51. **Черняк В.Д.** Космополитизм: идеологическая мотивация словарных решений // Материалы международной научной конференции «Образ России в условиях информационной войны конца XX – начала XXI в. Тенденции обновления политического дискурса». Магнитогорск, 2017. С. 493–501.
52. **Дементьев В.В.** Русский новояз в свете теории коммуникативных ценностей (на материале политической речи) // Политическая лингвистика. 2010. № 4 (34). С. 24–40.
53. Литературная энциклопедия терминов и понятий. Словарь-справочник под редакцией А.Н. Николюкина. М.: НПК «Интелвак», 2001. 1600 с.
54. 北川喜美子 (**Китагава Кимико**). 昔話と幼児教育 (Сказки и воспитание детей) // 京都文教短期大学研究紀要 (Научный вестник Киотского образовательного колледжа). 2007. № 46. Рр. 1–9.
55. **Хорохордина О.В.** К сопоставительному анализу русских дидактических речевых жанров: назидание, поучение, наставление, наказ, завет // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. 2016. № 5. С. 533–539.
56. **Гейко Е.В., Буренкова А.А.** Реализация речевого жанра «назидание» в различных коммуникативных ситуациях // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2014. № 3 (11). С. 102–106.
57. **Каленчук М.Л.** Академический орфоэпический словарь: специфика жанра // Русская лексикография XXI века: проблемы и способы их решения. Материалы докладов и сообщений междуна. науч. конф. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 45–46.
58. **Иванова Е.А.** Теоретические основы и актуальные проблемы жанра биографии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2012. № 3. С. 43–49.
59. **Волошина С.В.** Речевой жанр автобиографического рассказа как способ отражения констант и трансформаций народной культуры (на материале диалектной коммуникации) // Евразийский гуманитарный журнал. 2018. № 4. С. 6–9.
60. **Плахова О.А.** Место английской сказки в системе жанров сказочного дискурса // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики и оптимизация преподавания иностранных языков. К 80-летию профессора Л.И. Корниловой: сборник материалов. Тольятти: Тольяттинский государственный университет, 2018. С. 195–200.
61. **Голованов И.А.** Проблема жанровой дифференциации несказочной прозы: коммуникативный аспект // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 36. С. 26–33.
62. **Казакова О.А., Долганина А.А.** Образ автора стихотворения в прозе и лирической интернет-миниатюры: стереотипизация речевой структуры // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 1–1 (43). С. 78–81.
63. **Шутова О.А.** Совет как суггестивный речевой жанр поучающего дискурса // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 5 (138). С. 129–134.
64. **Searle J., Vanderveken D.** Theory of Speech Acts, Cambridge University Press, 1985. 240 p.
65. **Бахвалова Л.Е.** Сравнительный анализ экскурсионной речи в режиме «автор-адресат» // Ярославский педагогический вестник. 2011. Т. 1, № 2. С. 199–204.
66. **Пищальникова В.А., Цайся П.** Антикоррупционная реклама как поликодовый текст // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. № 4 (833) С. 80–90.
67. **Бузальская Е.В.** Гипержанр «Дневник»: основные варианты модели // Жанры речи. 2019. №. 3 (23) С. 183–192. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-3-23-183-192>
68. **Бузальская Е.В.** Лингвокогнитивная типология речевых жанров: на материале эссе // Жанры речи. 2017. № 1 (15) С. 30–36. DOI: [10.18500/2311-0740-2017-1-15-30-36](https://doi.org/10.18500/2311-0740-2017-1-15-30-36)

## REFERENCES

- [1] **Krasnykh V.V.** Speech Genres through the Prism of the Multidimensionality of Homo Loquens. Speech Genres, 1 (11) (2015) 9–14.
- [2] **Demytyev V.V.** Zhanry rechi i diskurs: mesto zhanrovedcheskikh issledovaniy v paradigme diskurs-analiza // Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Lingvistika. 2016. T. 20, № 4. S. 103–121. DOI: <https://doi.org/10.22363/2687-0088-15151>
- [3] **Ivanova S.V.** News as a genre of discourse: A non-missing structure, Terra Linguistica, 13 (3) (2022) 7–14. DOI: [10.18721/JHSS.13301](https://doi.org/10.18721/JHSS.13301)



- [4] **Stukker N., Spooren W., Steen G.** Genre in Language, Discourse and Cognition, Walter de Gruyter GmbH & Co KG, 2016. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110469639>
- [5] **Badea S.** On the Concept of ‘Genre’ in Discourse Analysis: The Legal Domain, Mediating Globalization: Identities in Dialogue Arhipelag XXI Press, (2018) 19–24.
- [6] **Rheindorf M., Wodak R.** Genre-related language change: Discourse-and corpus-linguistic perspectives on Austrian German 1970–2010, *Folia Linguistica*, 53 (2019) 125–167. DOI: <https://doi.org/10.1515/flin-2019-2006>
- [7] **Karasik V.I.** Prediction as a Speech Genre, *Speech Genres*, 1 (17) (2018) 39–47. DOI: 10.18500/2311-0740-2018-1-17-39-47
- [8] **Dementyev V.V.** ‘n most...’: Internet rating as a speech genre, *Speech Genres*, 3 (31) (2021) 226–244. DOI: 10.18500/2311-0740-2021-3-31-226-244
- [9] **Pervukhina S.V.** Video article as a speech genre, *Speech Genres*, 17 (1) (33) (2022) 74–81. DOI: 10.18500/2311-0740-2022-17-1-33-74-81
- [10] **Dementyev V.V.** Statya po zhanram rechi v zhurnale «Zhanry rechi» kak ... zhanr rechi? *Speech Genres*, 1 (29) (2021) 12–33. DOI: 10.18500/2311-0740-2021-1-29-12-33
- [11] **Maslova V.A.** Speech genre theory through the prism of modern linguistics, *Speech Genres*, 1 (29) (2021) 6–11. DOI: 10.18500/2311-0740-2021-1-29-6-11
- [12] **Prozorov V.V.** On universal anthropological characteristics of speech genre communication, *Speech Genres*, 17 (2) (34) (2022) 88–98. DOI: 10.18500/2311-0740-2022-17-2-34-88-98
- [13] **Oleshkov M.Yu.** Diskurs, kontsept, zhanr [Discourse, concept, genre]. Nizhniy Tagil: NTGSPA, 2009.
- [14] **Silantyev I.V.** Diskurs i zhanr [Discourse and genre], *Vestnik NGU. Series “ History, philology ”*, 9 (6) (2010) 78–83.
- [15] **Bakhtin M.M.** Literaturno-kriticheskiye stati [Literary and critical articles]. M.: Khudozhestvennaya literature [Fiction], 1986.
- [16] **Averintsev S.S.** Istoricheskaya podvizhnost kategorii zhanra: opyt periodizatsii [Historical mobility of genre category: periodization experience], *Istoricheskaya poetika: Itogi i perspektivy izucheniya* [Historical poetics: Results and prospects of the study]. M., 1986. Pp. 104–116.
- [17] **Sedov K.F.** O zhanrovoy prirode diskursivnogo myshleniya yazykovoy lichnosti [On the genre nature of discursive thinking of a linguistic personality], *Speech Genres*, 2 (1999) 14–28.
- [18] **Dolinin K.A.** Rechevyye zhanry kak sredstvo organizatsii sotsialnogo vzaimodeystviya [Speech genres as a means of organizing social interaction], *Speech Genres*, 2 (1999) 7–13.
- [19] **Chinova L.H.** Prosba o proshchenii i prineseniye izvneniya [A request for forgiveness and an apology], *Speech Genres*, 2 (1999) 278–281.
- [20] **Dementyev V.V.** Foreigners’ review of the Soviet film as a genre of Runet, *Speech Genres*, 2022. T. 17 (3) (35) (2022) 220–233. DOI: 10.18500/2311-0740-2022-17-3-35-220-233
- [21] **Panchenko N.N.** “Frank confession” in institutional and everyday communication: speech genre or speech action, *Speech Genres*, 17 (3) (35) (2022) 186–193. DOI: 10.18500/2311-0740-2022-17-3-35-186-193
- [22] **Karasik V.I.** Prediction as a Speech Genre, *Speech Genres*, 1 (17) (2018) 39–47. DOI: 10.18500/2311-0740-2018-1-17-39-47
- [23] **Goldin V.Ye., Dubrovskaya O.N.** Genre organization of speech in the aspect of social interactions, *Speech Genres*, 3 (2002) 5–18.
- [24] **Vezhbitskaya A.** Rechevyye zhanry [Speech genres], *Speech Genres*, 1 (1997) 90–111.
- [25] **Shmeleva T.V.** Model rechevogo zhanra [Model of the speech genre], *Speech Genres*, 1 (1997) 88–98.
- [26] **Lebedeva N.B.** Yestestvennaya pismennaya russkaya rech: problemy izucheniya, *Russkiy yazyk: istoricheskiye sudby i sovremennost: Mezhdunarodnyy kongress issledovateley russkogo yazyka: Trudy i materialy* [Russian Russian language: historical destinies and modernity: International Congress of researchers of the Russian language: Works and materials]. M., 2001. Pp. 260–261.
- [27] **Deyk T.A.** Diskurs i vlast. Rerezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii [Discourse and Power. Representation of dominance in language and communication]. M.: Librokom, 2013.
- [28] **Dijk T.A.** Discourse and Knowledge. Handbook of Discourse Analysis, Routledge, London, 2012. Pp. 587–603.
- [29] **Fairclough N.** Critical discourse analysis: The critical study of language, Longman Group Limited, Essex, 1995.



- [30] **Chernyavskaya V.E.** Lingvistika teksta: Polikodovost, intertekstualnost, interdiskursivnost [Linguistics of the text: Polycode, intertextuality, interdiscursivity]. M.: Book House “Librocom”, 2009.
- [31] **Leeuwen T.** Discourse and Practice: New tools for critical discourse analysis, Oxford University Press, Oxford, 2008.
- [32] **Montgomery M.** The Discourse of Broadcast News: a linguistic approach, N.Y.: Routledge, 2007.
- [33] **Molodychenko E.N., Chernyavskaya V.E.** Representing the social through language: Theory and practice of sociolinguistics and discourse analysis. Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature, 19 (1) (2022) 103–124. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu09.2022.106>
- [34] **Kolmogorova A.V.** Legitimation as a societal phenomenon and as an object of discourse analysis, Politicheskaya lingvistika, 1 (67) (2018) 33–40.
- [35] **Fairclough N.** Political correctness: The politics of culture and language, Discourse and Society, 14 (2003) 17–28.
- [36] **Vaara E., Monin P.** A recursive perspective on discursive legitimation and organizational action in mergers and acquisitions, Organization Science, 21 (2010) 3–22.
- [37] **Joutsenvirta M., Vaara E.** Legitimacy Struggles and Political Corporate Social Responsibility in International Settings: A Comparative Discursive Analysis of a Contested Investment in Latin America, Organization Studies, 36 (2015) 741–777. DOI: <https://doi.org/10.1177/0170840615571958>
- [38] **Glaveva D.G.** Traditsionnaya yaponskaya kultura [Traditional Japanese culture]. M.: “Vostochnaya literature” RAN, 2003.
- [39] **Alpatov V.M.** Yaponiya: yazyk i kultura [Japan: language and culture]. M.: Yazyki slavyanskikh kultur [Languages of Slavic cultures], 2008.
- [40] **Grigoryeva T.P.** Yaponiya. Put serdtsa [Japan. The way of the heart]. M.: Kulturnyy tsentr “New Akropol”, 2008.
- [41] **Chugrov S.V.** Yaponiya: gibridizatsiya i garmonizatsiya [Japan: hybridization and harmonization], Polis, 3 (2008) 59–67.
- [42] **Kulneva P.V.** Vliyaniye konfutsianskikh tsennoyey na yaponskuyu delovuyu etiku [Influence of Confucian values on Japanese business ethics], Yaponiya 2012: yezhegodnik [Japan 2012: Yearbook] ed. by E.V. Molodyakovoy. M., 2012. Pp. 123–140.
- [43] Yaponiya v epokhu velikikh transformatsiy [Japan in the era of great transformations] ed. by prof. D.V. Streltsova. M., 2020.
- [44] **Kozachina A.V., Kolmogorova A.V.** Strategii i sredstva legitimatsii institutsionalizirovannykh tsennoyey v yaponskom pedagogicheskom diskurse [Strategies and means of legitimizing institutionalized values in Japanese pedagogical discourse], Krasnoyarsk: SFU, 2023.
- [45] 中学校学習指導要領解説 [Kommentariy k rabochey programme kursa “Moralnoye vospitaniye”: srednyaya shkola]. Available at: [https://www.mext.go.jp/component/a\\_menu/education/micro\\_detail/\\_icsFiles/afiedfile/2019/03/18/1387018\\_011.pdf](https://www.mext.go.jp/component/a_menu/education/micro_detail/_icsFiles/afiedfile/2019/03/18/1387018_011.pdf) (accessed: 02.05.23).
- [46] **Wiegand H.E., Gouws R.H.** Addressing and addressing structures in printed dictionaries, Dictionaries. An International Encyclopedia of Lexicography. Supplementary Volume: Recent Developments with Focus on Electronic and Computational Lexicography, (2013) 273–314.
- [47] **Levchenko G.A.** Slovar-razgovornik v Rossii: k voprosu ob istorii zhanra [Dictionary-phrasebook in Russia: on the question of the history of the genre], Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 19: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya [Bulletin of the Moscow University. Ser. 19: Linguistics and intercultural communication.], 3 (2006) 145–156.
- [48] **Chernyak V.D.** Obraz slovarya, slovarnaya forma i zhanr slovarya v sovremennoy kommunikatsii [The image of a dictionary, the dictionary form and the genre of a dictionary in modern communication], Russkiy yazyk segodnya [Russian language today], (2015) 355–362.
- [49] **Mustayoki A.** Rechevyye zhanry i raznovidnosti yazyka v slovaryakh i grammatikakh sovremenno-go russkogo yazyka [Speech genres and varieties of language in dictionaries and grammars of the modern Russian language], Abstracts of the international conference “Speech genres of modern communication”, M., 2015. Pp. 104–106.
- [50] **Fuertes-Olivera P.A., Bergenholtz H.** E-Lexicography: the Internet, digital initiatives and lexicography, Bloomsbury Publishing, London, 2011.
- [51] **Chernyak V.D.** Kosmopolitizm: ideologicheskaya motivatsiya slovarnykh resheniy [Cosmopolitanism: ideological motivation of dictionary solutions], Materials of the international scientific conference “The image of Russia in the information war of the late XX – early XXI century. Trends in the renewal of political discourse”, Magnitogorsk, 2017. Pp. 493–501.



- [52] **Dementyev V.V.** Russkiy novoyaz v svete teorii kommunikativnykh tsennostey (na materiale politicheskoy rechi) [Russian newspeak in the light of the theory of communicative values (based on the material of political speech)], *Political Linguistics*, 4 (34) (2010) 24–40.
- [53] Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatiy. Slovar-spravochnik pod redaktsiyey A.N. Nikolyukina [Literary Encyclopedia of terms and concepts. Dictionary-reference book edited by A.N. Nikolyukin]. M.: NPK “Intelvak”, 2001.
- [54] 北川喜美子 [Kitagava Kimiko]. 昔話と幼児教育 [Skazki i vospitaniye detey], 京都文教短期大学研究紀要 [Nauchnyy vestnik Kiotskogo obrazovatel'nogo kolledzha], 46 (2007) 1–9.
- [55] **Khorokhordina O.V.** A comparative analysis of Russian didactic genres: Exhortation, admonition, manual, mandate, precept, *Dinamika yazykovykh i kulturnykh protsessov v sovremennoy Rossii* [Dynamics of linguistic and cultural processes in modern Russia], 5 (2016) 533–539.
- [56] **Geyko Ye.V., Burenkova A.A.** Realizatsiya rechevogo zhanra «nazidaniye» v razlichnykh kommunikativnykh situatsiyakh [Implementation of the speech genre “edification” in various communicative situations], *Vestnik Sibirskogo instituta biznesa i informatsionnykh tekhnologiy* [Bulletin of the Siberian Institute of Business and Information Technologies], 3 (11) (2014) 102–106.
- [57] **Kalenchuk M.L.** Akademicheskii orfoepicheskiy slovar: spetsifika zhanra [Academic orthoepical dictionary: the specifics of the genre], *Russian lexicography of the XXI century: problems and ways to solve them. Materials of reports and communications of the International Scientific Conference St. Petersburg: Nestor-History*, 2016. Pp. 45–46.
- [58] **Ivanova Ye.A.** Teoreticheskiye osnovy i aktualnyye problemy zhanra biografii [Theoretical foundations and actual problems of the genre of biography], *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filologiya. Zhurnalistika* [Izvestiya Saratov University. A new series. Philology series. Journalism], 3 (2012) 43–49.
- [59] **Voloshina S.V.** Speech genre of autobiographical story as a means of reflection of folk culture’s constants and transformations (on the material of dialect communication), *Eurasian Humanitarian Journal*, 4 (2018) 6–9.
- [60] **Plakhova O.A.** Mesto angliyskoy skazki v sisteme zhanrov skazochnogo diskursa [The place of the English fairy tale in the system of genres of fairy-tale discourse], *ctual problems of theoretical and applied linguistics and optimization of teaching foreign languages. To the 80th anniversary of Professor L.I. Kornilova: collection of materials. Togliatti: Togliatti State University*, 2018. Pp. 195–200.
- [61] **Golovanov I.A.** Problema zhanrovoy differentsiatsii nesказochnoy prozy: kommunikativnyy aspect [The problem of genre differentiation of non-narrative prose: the communicative aspect], *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [ulletin of Chelyabinsk State University], 36 (2008) 26–33.
- [62] **Kazakova O.A., Dolganina A.A.** Obraz avtora stikhotvoreniya v proze i liricheskoy internet-miniatury: stereotipizatsiya rechevoy struktury [The image of the author of a poem in prose and lyrical Internet miniatures: stereotyping of speech structure], *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of theory and practice], 1–1 (43) (2015) 78–81.
- [63] **Shutova O.A.** Sovet kak suggestivnyy rechevoy zhanr pouchayushhego diskursa [Advice as a suggestive speech genre of instructive discourse], *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 5 (138) (2019) 129–134.
- [64] **Searle J., Vanderveken D.** *Theory of Speech Acts*, Cambridge University Press, 1985.
- [65] **Bakhvalova L.Ye.** Sravnitelnyy analiz ekskursionnoy rechi v rezhime «avtor-adresat» [Comparative analysis of excursion speech in the mode “author-addressee”], *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 1 (2) (2011) 199–204.
- [66] **Pishchalnikova V.A., Tsaysya P.** Anticorruption advertisements as polycode texts, *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 4 (833) (2020) 80–90.
- [67] **Buzalskaya Ye.V.** Diary: Main Variants of the Genre, *Speech Genres*, 3 (23) 183–192. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-3-23-183-192>
- [68] **Buzalskaya Ye.V.** Linguocognitive Typology of Speech Genres: on the Basis of an Essay. *Speech Genres*, 1 (15) (2017) 30–36. DOI: 10.18500/2311-0740-2017-1-15-30-36



## СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

**Колмогорова Анастасия Владимировна**

**Anastasia V. Kolmogorova**

E-mail: nastiakol@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6425-2050>

**Козачина Анна Владимировна**

**Anna V. Kozachina**

E-mail: avkozachina@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-7831-0357>

*Поступила: 06.05.2023; Одобрена: 01.11.2023; Принята: 15.11.2023.*

*Submitted: 06.05.2023; Approved: 01.11.2023; Accepted: 15.11.2023.*